

Гульнара Фатыховна РОМАШКИНА¹

УДК 316.4; 316.77

ДИНАМИКА И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА УРОВНЕ РЕГИОНОВ РОССИИ¹

¹ доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой математических методов,
информационных технологий
и систем управления в экономике,
Тюменский государственный университет
g.f.romashkina@utmn.ru

Аннотация

Современный мир часто называют сетевым вслед за М. Кастельсом и особую роль в нем играют коммуникации. Автор данной статьи соглашается с Дж. Тернером в понимании социальных сетей как пространства узлов и потоков — материальных, символических и эмоциональных. Важно, что производство, хранение, обмен и структуризация этих коммуникаций во многом определяется технологиями и их дигитализацией. Важной характеристикой социальных сетей также является конкуренция между узлами за уровень значимости. Учитывая, что весь мир быстро развивается, переконфигурируя глобальные сети влияния и власти, исключая из сети незначимые или слабые узлы, региональный социум (как пространство мест) рискует отстать от этой конкуренции и на коммуникативном уровне, что равносильно структурной маргинализации. Поэтому то, с какой скоростью, каким образом и под воздействием

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект № 16-03-00500 «Возможности и ограничения новой индустриализации и противоречия социокультурного пространства: на примере Тюменского региона»

Цитирование: Ромашкина Г. Ф. Динамика и возможности развития социальных коммуникаций на уровне регионов России / Г. Ф. Ромашкина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Том 3, № 1. С. 84-99.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-1-84-99

каких факторов региональный социум включается в глобальные сетевые коммуникации, фактически является оценкой его конкурентных возможностей. Данная статья посвящена попытке анализа того, как развиваются социальные коммуникации, понимаемые в качестве идентификации сетей взаимоотношений по оси «свой-чужой» на примере регионального социума. Социальные коммуникации, как известно, быстрее и легче проникают в сети, если контрагент воспринимается как «свой», если в процессе коммуникации снимаются национальные, религиозные, территориальные, ментальные или иные барьеры.

Эмпирическая база исследования получена за 10 лет мониторинга, проводимого социологами Тюменского государственного университета при финансовой поддержке РГНФ. Также использовались данные всероссийского проекта «Социокультурные портреты регионов России» под руководством Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН. В статье проверяются гипотезы о том, что уровень готовности социума к включению в глобальные сети коммуникаций прямо связан с отношениями «доверия-коммуникации-идентификации» по шкале «свой-чужой». Прямое гражданское участие в России — стране с развивающейся демократией, снижает уровень институционального доверия, но повышает сетевую коммуникацию.

Ключевые слова

Сетевое общество, развитие, слоевая близость, коммуникация, потоки, конфигурация, конкуренция, доверие, социальная структура, регион.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-1-84-99

Введение

В современном обществе все пронизано сетями социальных отношений и взаимодействий, состоящих из совокупности социальных акторов (узлов сети) и набора связей между ними. Дж. Тернер указывает три основных типа потоков в социальных сетях: материальные, символические и эмоциональные [18, с. 550]. Под символами Тернер имеет в виду информацию, идеи, сообщения; под материальными ресурсами — любые вещи (например, продукты). В какой-то степени в качестве символов могут выступать деньги, которые обеспечивают доступ к материальным ценностям. Обмен эмоциями также является важной составляющей сетей. Примерно такие же типы обменов рассматривают К. Кук и Дж. Уитмейнер: материальные, информационные, символические и т. д. [6, с. 110]. В качестве символического потока в социальной сети могут выступать ценности и ценностные ориентации: если два актора разделяют мнение по поводу объекта, явления или процесса любой природы, они оказываются связаны в сети социальных взаимодействий. Любой компонент сети является узлом, а его функция и значение зависят от программы сети и от взаимодействия с другими узлами. Если они не могут быть значимыми, то автоматически попадают под влияние сильных узлов. В таком случае логика развития подчиненных узлов

приводит к развитию сетей второго, третьего и более низких уровней. Здесь развитие идет по отношению к значимым, сильным узлам, а подчиненные быстрее теряют свои конкурентные позиции. Коммуникационные сети состоят из паттернов контактов, которые создаются с помощью потока сообщений между коммуникаторами в пространстве и времени [11, с. 3]. Как справедливо отметил К. Маркс, «общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу» [10].

Главным из признаков современного общества все чаще называют его сетевой характер [5, с. 41]. По М. Кастельсу, сетевое общество — это общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых посредством переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий. Такое общество избирательно распространяется по планете, функционируя в уже существующих структурах. Его социальная структура является глобальной, но большая часть человеческого опыта локальна как в территориальном, так и в культурном измерениях [13]. Общества определяются границами национальных государств или культурными границами исторических идентичностей граждан и кластеризуются включением и исключением из глобальных сетей, определяя тем самым производство, потребление, коммуникацию и власть. Как справедливо заметил Д. Малган, сети созданы не только для обмена данными, но также для создания позиции, выхода за рамки коммуникации как таковой [12, с. 21].

В данной работе выдвигается гипотеза, что уровень готовности социума к включению в глобальные сети коммуникаций прямо связан с отношениями «доверия-коммуникации-идентификации» по шкале «свой-чужой». Эту гипотезу можно проверить по эмпирическим данным, которые были собраны в Тюменской области на протяжении 10-летнего социокультурного мониторинга. Можно предположить (вторая гипотеза), что стремительное распространение глобальных практик (Интернет, телевидение, торговля) постепенно «выводит» граждан за пределы местного круга, распространяя глобализацию и на уровень ментальности россиян. Чем более развита в данном локальном социуме оценка «своего» на глобальном и/или национальном уровне, тем глубже проникают в коммуникационные сети отношения глобального сетевого общества.

Взаимосвязь сетей доверия и медиасетей также неоднозначна. Среди исследователей существует мнение, что в целом социетальное и институциональное доверие уменьшились [4, 15, 16], вопрос о роли СМИ в этом процессе активно обсуждается. Ряд ученых утверждает, что негативное освещение в медиа приводит к «медиатревоге» среди граждан, усиливая ощущение неэффективности власти, цинизм и изоляцию [7, 14, 15]). М. Робинсон [17] еще в 1975 г. сформулировал термин «видеотревога» (*videomalais*) для обозначения этого феномена. В настоящее время существует тенденция ссылаться на «медиатревогу» как на результат негативного освещения событий по телевидению, которое подхватывается всеми медийными каналами.

Как отметил М. Кастельс, отношения между политическим доверием и гражданской вовлеченностью различны в странах новой демократии и в странах утвердившейся демократии [5, с. 327]. Возросшее гражданское участие приводит к усилению социального и политического доверия в промышленно развитых странах. Дж. Брем и У. Ран [4] обнаружили отрицательную связь между гражданским участием и политическим доверием в развивающихся странах. Другими словами, в этих странах те, кто демонстрирует большую гражданскую активность, показывают низкий уровень политического доверия. Таким образом, третья гипотеза заключается в том, что глубина и частота сетевых коммуникаций прямо связана с политическим (или институциональным) доверием, в том числе к СМИ, уровнями легитимации власти в данном социуме, образования и готовности индивидуумов к свободной коммуникации. Прямое гражданское участие в России как стране с развивающейся демократией снижает уровень институционального доверия, но повышает сетевую коммуникацию.

Данные и методика анализа

Методически исследование опирается на всероссийский исследовательский проект «Социокультурные портреты регионов России» [1, с. 45, с. 295]. Проверка гипотез проведена при помощи регрессионного анализа в статистическом пакете SPSS. Привлекаются результаты многолетнего социокультурного мониторинга (2006, 2009, 2011, 2016 гг.) в Тюменской области (включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) [3, с. 21-48], структура выборок представлена в таблице 1. Также в анализ включены два массива SPSS по всероссийскому мониторингу за 2010 и 2015 гг., предоставленные Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (ЦИСИ ИФ РАН) под руководством Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. Тюменская область без автономных округов далее называется юг ТО,

Таблица 1

**Объемы выборок
2006, 2009, 2011, 2013, 2016 гг.
в Тюменской области**

Table 1

**Sampling size
2006, 2009, 2011, 2013, 2016
in Tyumen Region**

Регион	2006		2009		2011		2013		2016	
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
Юг ТО	1715	43	1560	39	1271	42	2335	42	1422	40
ХМАО	1285	32	1800	45	1301	44	2264	41	1607	45
ЯНАО	1000	25	640	16	482	16	968	17	541	15
Всего	4000	100	4000	100	3054	100	5567	100	3570	100

Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (ХМАО-Югра, или ХМАО); Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО).

Уровни слоевой близости

Для оценки степени близости жителей Тюменской области с жителями различных территориальных общностей использовался вопрос: «В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдаленность («свое-чужое») с жителями поселения, в котором живете (деревня, село, город); с жителями всей области; с жителями всей России; с жителями бывших республик СССР; с жителями всей Земли». В 2015 г. в инструментарий мониторинга был добавлен уровень идентификации «с жителями Вашего Федерального округа». Результаты за 2011, 2013, 2016 гг. в Тюменском регионе и в России в целом (2010, 2015 гг.) представлены в таблице 2, ранее в такой редакции вопрос не задавался.

Таблица 2

Степень интенсивности слоевой близости («свое-чужое»)*, % от числа опрошенных

Table 2

Intensity degree of layer proximity ("us-them")*, % of the respondents' number

Уровни оценки близости	регионы	Юг ТО			ХМАО			ЯНАО			Россия	
	гг.	2011	2013	2016	2011	2013	2016	2011	2013	2016	2010	2015
1. Жители поселения, в котором я живу	есть близость	56	60	60	58	51	54	56	53	53	76	74
	нет близости	16	18	20	15	19	23	15	16	20	16	20
2. Жители всей моей области	есть близость	20	32	38	21	25	33	18	17	33	59	56
	нет близости	34	31	34	32	33	35	34	35	32	27	33
3. Жители Вашего Федерального округа	есть близость	-	-	23	-	-	22	-	-	21	-	35
	нет близости	-	-	41	-	-	40	-	-	38	-	46
4. Жители всей России	есть близость	18	23	27	21	24	25	23	18	24	38	38
	нет близости	34	34	38	30	30	36	28	33	32	43	44
5. Жители бывших республик СССР	есть близость	12	14	17	21	17	18	19	12	21	24	25
	нет близости	39	41	45	30	36	40	30	36	35	55	55
6. Жители всей Земли	есть близость	10	12	15	14	12	15	16	9	15	21	23
	нет близости	36	36	43	29	34	40	28	35	37	55	55

Примечание: * % вычислены от всей числа опрошенных, с учетом отсутствующих ответов

Note: *% is calculated from the total respondents' number, accounting for the missing answers

В анализе ответ «есть близость» интерпретируется как самооценки наличия сетевой идентификации указанного уровня, и «нет близости» — отсутствия такового. Варианты «затрудняюсь ответить» и «отказ от ответа» также имеют значение как доля тех, кто колеблется с самоидентификацией или не оценивает таковую.

Вопрос о том, кто отмечает свою близость с тем или иным уровнем, косвенно позволяет нам оценить уровень сетевой близости между жителями поселения/ региона/ страны/ всей Земли. Федеральные округа сравнительно недавно появились в административном делении РФ, но их уровень значительно превышает уровень идентификации с жителями бывших республик СССР (связи, уходящие в прошлое) и жителями всей Земли (или всемирные связи), оставаясь менее значимым, чем уровень всей России (табл. 2). Таким образом, идентификация населения по макрорегионам пока не успела укорениться в общественном сознании.

Для аналитических целей были отмечены общие тенденции. Во-первых, ранжирование уровней идентификации чрезвычайно устойчиво и по убыванию уровня значимости соответствует географическому распределению: поселение/ регион/ Федеральный округ/ вся Россия/ бывшие республики СССР/ вся Земля. Оно сохраняется для всех измерений социальной структуры и географического деления. Уровень поселения остается наиболее важной для людей территориальной общностью, т. к. это территория, на которой осуществляется повседневное общение и взаимодействие с другими людьми, причем, как правило, они «такие же как я». Наличие близости с жителями своей деревни/ села/города отмечают от половины до трех четвертей от всех опрошенных (50-75%).

Во-вторых, наибольшая скорость снижения оценки близости наблюдается при переходе от поселенческого к региональному уровню слоевой близости, следующие уровни занимают не более половины от поселенческого уровня, а всемирный — четверть от поселенческого в субрегионах Тюменского региона и почти треть для жителей всей России. В-третьих, в Тюменском регионе значительно ниже уровень слоевой близости по сравнению с данными всей России. Гипотеза о том, что такое снижение значимо определяет географическая доступность не подтверждается, поскольку жители наиболее далекого и труднодоступного арктического региона ЯНАО ощущают меньшую интенсивность территориальной близости, но отличия от жителей центра региона (г. Тюмень) незначительны. Логично предположить, что имеются другие, более значимые факторы, определяющие уровень оценки близости по шкале «свой-чужой». В-четвертых, в динамике отмечается значительный рост интенсивности слоевой близости по всем параметрам для жителей Тюменского региона. В целом по России такого роста нет, и отличия ($\pm 2\%$) не превышают уровень ошибки выборки. Например, 56 и 60% жителей юга ТО оценивали наличие поселенческой близости по шкале «свой-чужой» в 2011 г. и 2016 г. соответственно. Уровень области отметили 20% и 38% жителей юга

ТО в 2011 г. и 2016 г., что составило 32% и 45% соответственно от поселенческого уровня. Таким образом, «пространство мест» продолжает доминировать над «пространством информации».

На рисунке 1 представлена динамика индекса близости по слоевым уровням в разрезе субъектов Тюменской области. Индекс слоевой близости вычислен как разность между долями тех, кто определяет для себя соответствующий уровень близости и теми, кто такой близости не определяет. Структура слоевой близости оказывается чрезвычайно устойчивой, и за исследуемый период ранги интенсивности практически не изменились. Индексы слоевой близости в динамике снижаются или сохраняют прежнее значение как в случае всемирной идентификации. Это происходит потому, что количество отрицающих наличие близости растет за счет тех, кто ранее уклонился от идентификации. Т. е. пока нельзя сказать, что происходит переход на иной, горизонтальный уровень сетевого общества.

Как утверждалось выше, уровень слоевой близости может быть связан с самооценками материального положения, с возрастом, образованием и статусом респондента. Отмеченное авторитетными социологами всемирное ослабление территориально обусловленных социальных связей, переход к наднациональным сетевым взаимодействиям должны найти свое отражение в том, что более молодые, имеющие больше сетевых контактов респонденты должны высказывать меньшую скорость снижения идентификации от поселенческой к всемирной.

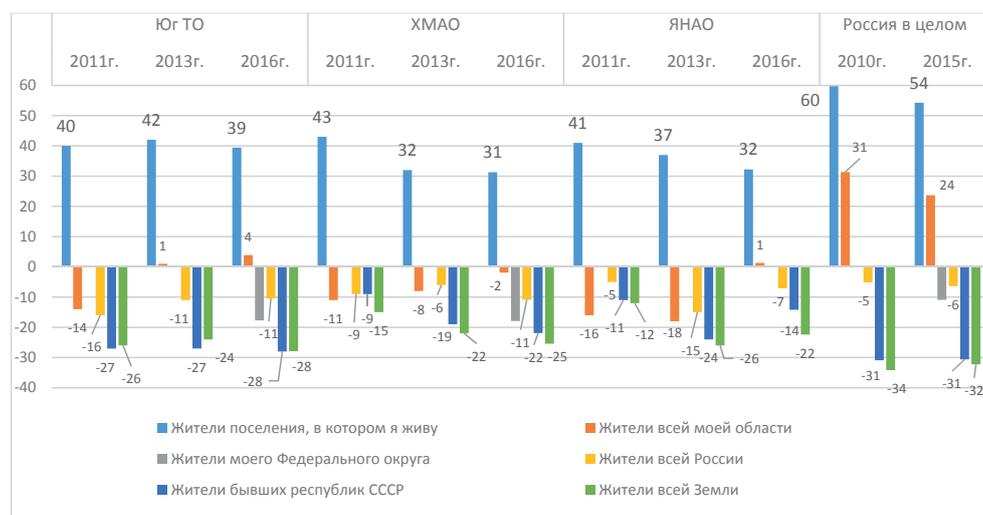

Рис. 1. Динамика индекса слоевой близости, субрегионы Тюменского региона — 2011, 2013, 2016 гг., Россия в целом — 2010, 2015 гг.

Fig. 1. Dynamics of the layer proximity index, the Tyumen Region's subregions — 2011, 2013, 2016; Russia as a whole — 2010, 2015

Круги взаимопонимания

Ответы на вопрос «Среди каких людей Вы обычно встречаете наибольшее взаимопонимание?» приведены в таблице 3. Респонденты отмечали любое количество ответов. Для обеспечения сопоставимости рядов данных мы привели получившиеся распределения к % от общего числа ответов. В связи с тем, что в данном вопросе различия между субрегионами Тюменского региона по соответствующему признаку не превысили 3%, мы приводим данные в среднем по всему региону и сравнение с данными по всей России.

Семья остается наиболее значимым коммуникативным ресурсом для подавляющего большинства респондентов. Далее по-прежнему идут друзья, работа, соседи, национальность, конфессия. Однако как в Тюменском регионе, так и во всей России относительный вес (приведенный к 100%) ограничения оценки взаимопонимания только на уровне семьи существенно снизилось. В 2016 г. возрос относительный вес коммуникаций в дружеском кругу (включая соседей) и на работе. Таким образом, вторая гипотеза о расширении круга коммуникаций подтверждается. Люди все меньше замыкаются на уровне только своей семьи

Таблица 3

Динамика ответов на вопрос «Среди каких людей Вы обычно встречаете наибольшее взаимопонимание?» за 2006-2016 гг. в Тюменском регионе и всей России, в % от общего числа ответов

Table 3

Answers' dynamics to the question "What people do you usually find the greatest mutual understanding with?" in 2006-2016 in the Tyumen Region and Russia, % of the total responses' number

Уровень	Тюменский регион					Россия	
	2006	2009	2011	2013	2016	2010	2016
Годы	2006	2009	2011	2013	2016	2010	2016
В семье	60	53	61	61	45	59	43
В компании друзей	23	22	18	21	27	23	26
Среди соседей	2	3	3	2	7	3	11
На работе	5	9	8	8	14	8	12
В кругу людей своей национальности	4	4	4	4	4	5	4
В кругу единоверцев	1	3	2	2	2	1	2
Ни в каком кругу нет понимания	2	3	1	1	1	1	2
Среди других людей	2	3	3	2	0	1	0
Итого	100	100	100	100	100	100	100

и больше находят взаимопонимание на работе, в кругу неформального общения. Практически неизменным остается национальный и конфессиональный уровень взаимопонимания, его предпочитают 4% и 2% от всех случаев соответственно.

Для проверки первой и третьей гипотез были построены регрессионные модели. Метод вычисления: пошаговое исключение, доверительная вероятность не менее 95%. Регрессионные модели вычислялись последовательно для случаев зависимой переменной самооценки слоевой близости с жителями всей Земли, всей России, всего региона, с жителями поселения, в котором живете (деревня, село, город) (табл. 2). Уровни измерения: 1: нет близости; 2: есть близость. В качестве предикторов были выбраны переменные, характеризующие социальную структуру в ее «традиционном» понимании. На начальном этапе в модели включались 25 предикторов.

Самооценка материального положения: «Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня — Ваше, Вашей семьи?» (1: денег не хватает на повседневные затраты; 6: практически ни в чем себе не отказываем).

Межличностное доверие: «Скажите, пожалуйста, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не помешает? По шкале от 0 (Даже излишняя осторожность не помешает) до 10 (Большинству людей можно доверять).

Группы по возрасту (1: от 18-24 лет; 6: старше 60 лет).

Среднее институциональное доверие. Вычислялось как средневзвешенное от оценок уровня доверия к: суду, губернатору, профсоюзам, прокуратуре, полиции, правительству региона, региональным отделениям политических партий, СМИ, муниципальным органам управления (1: полностью доверяю; 5: совсем не доверяю). Также в число предикторов для поисковых моделей включались соответствующие переменные по каждому из направлений оценки доверия/недоверия.

Сколько времени вы проводите: за компьютером по работе; общаясь в социальных сетях; как часто играете на компьютере и/или телефоне; играя на компьютере и/или телефоне (1: более 8 часов в день; 5: никогда).

Тип поселения: село, поселок, деревня (1); малый или средний город (2); крупный город (3).

Кроме того, в поисковые варианты моделей были взяты переменные уровня социальной структуры по самооценке: социальные слои, количество подчиненных, возраст, образование. Однако ни в одной из моделей указанные переменные не вошли в список значимых. Оценка моделей регрессии приведена в таблице 4, коэффициенты моделей — в таблице 5.

Для целей нашего анализа важно отметить, что все итоговые модели имеют максимальный уровень значимости, наибольшим уровнем надежности обладает та, в которой зависимой переменной является слоевая близость на уровне поселения. Поскольку исходные предикторы имеют различную длину шкалы, коэффициенты регрессии для них сравнимы по значению стандартизованных коэффициентов (Бета, T).

Таблица 4

Сводные данные по моделям регрессии

Зависимая переменная (слоевая близость):	Сумма квадратов	Число степеней свободы	Средний квадрат разности	F	Значимость
Жители всей Земли	9,51	4	2,38	12,82	0,0001
Жители всей России	11,06	4	2,21	9,39	0,0001
Жители всего моего региона (округа)	22,73	4	5,68	23,82	0,0000
Жители поселения, в котором я живу	28,02	4	7,01	38,90	0,0000

Table 4

Summary of regression models

Таблица 5

ANOVA для моделей регрессии

	Нестандартизованные коэфф-ты		Стандартизованные коэфф-ты		Значимость
	B	Станд. ошибка	Бета	T	
1	2	3	4	5	6
Зависимая переменная: Жители всей Земли					
(Константа)	1,26	0,06		27,99	0,00
Самооценка материального положения	0,03	0,01	0,11	4,20	0,00
Межличностное доверие	0,01	0,00	0,07	2,62	0,01
Группы по возрасту	-0,02	0,01	-0,08	-3,19	0,00
Среднее институциональное доверие	-0,03	0,01	-0,07	-2,50	0,01
Зависимая переменная: Жители всей России					
(Константа)	1,28	0,08		21,4	0,00
Самооценка материального положения	0,03	0,01	0,079	3,23	0,00
Межличностное доверие	0,02	0,01	0,084	3,39	0,00

Table 5

ANOVA for regression models

Окончание табл. 5

Table 5 (end)

1	2	3	4	5	6
Среднее институциональное доверие	-0,03	0,01	-0,062	-2,48	0,01
Группы по возрасту	-0,02	0,01	-0,067	-2,67	0,01
Зависимая переменная: Жители всего моего региона (округа)					
(Константа)	1,44	0,07		21,13	0,00
Среднее институциональное доверие	-0,08	0,01	-0,15	-6,30	0,00
Межличностное доверие	0,02	0,00	0,09	3,77	0,00
Самооценка материального положения	0,03	0,01	0,08	3,50	0,00
Как часто играете на компьютере и/или телефоне	0,03	0,01	0,07	2,92	0,00
Зависимая переменная: Жители поселения, в котором я живу					
(Константа)	1,79	0,06		19,62	0,00
Среднее институциональное доверие	-0,08	0,01	-0,15	-7,01	0,00
Как часто играете на компьютере и/или телефоне	0,06	0,01	0,15	6,94	0,00
Тип поселения	-0,08	0,01	-0,12	-5,51	0,00
Межличностное доверие	0,01	0,00	0,08	3,65	0,00

Выводы

Сетевое общество — это глобальное общество. Однако на текущий момент большинство жителей планеты исключены из глобальных сетей [8], несмотря на то, что каждого затрагивают процессы, происходящие в них, воспроизводящие социальные структуры повсеместно. Глобализация часто определяется как объединение в общую сеть решающих в социальном смысле глобальных сетей [9]. Следовательно, исключение из этих сетей является фактически запуском кумулятивного процесса исключения, что равносильно структурной маргинализации в глобальном сетевом обществе.

Наши основные выводы заключаются в том, что в Тюменском регионе самоидентификация по шкале «свой-чужой» на уровнях всей Земли (или «всемирная сетевая близость») и всей России ниже среднероссийского уровня, но растет в динамике. Круги «взаимопонимания» и самоидентификации по

шкале «свой-чужой» на уровнях всей Земли и России значимо расширяются с ростом материального положения респондента, межличностного доверия. С повышением возраста и уровня институционального доверия радиус самоидентификации по шкале «свой-чужой» уменьшается. Частота и функции обращения к компьютеру пока не оказали значимого влияния на глобальную самоидентификацию, с другой стороны, на уровень оценки близости с жителями своего поселения положительным образом влияет частота обращения к компьютеру/телефону во время отдыха. Таким образом, наша первая гипотеза о том, что с ростом уровня материального благосостояния расширяется радиус самоидентификации по шкале «свой-чужой», частично подтверждается. Практически радиус самоидентификации расширяется вместе с радиусом межличностного доверия, которое еще называют социетальным доверием. Однако наша третья гипотеза о влиянии на расширение радиуса сетевой близости частоты обращения с компьютером, уровня образования не подтверждается статистическими тестами. Следует заключить, что региональный социум еще только начинает свой путь по включению в глобальные коммуникационно-смысловые сети. Наши результаты коррелируют с результатами коллег из других регионов России [1, 3]. Так, гражданское участие повышает уровень межличностного доверия, но не влияет на уровень политического доверия и вовлеченность в социальные сети.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.
2. Когай Е. А. Социальные практики гражданского участия: характеристики и оценки / Е. А. Когай // Вестник Воронежского государственного университета. История. Политология. Социология. 2014. № 2. С. 62-66.
3. Социокультурная динамика — портрет Тюменской области: колл. монография / науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та. 2015. 358 с.
4. Brehm J. Individual-level Evidence for the Causes and Consequences of Social Capital / J. Brehm, W. Rahn // American Journal of Political Science. 1997. Vol. 41. No 3. Pp. 999-1023.
5. Castells M. Communication Power / M. Castells. Oxford University Press. 2009.
6. Cook K. S. Two approaches to social structure: Exchange theory and network Analysis. / K. S. Cook, J. M. Whitmeyer // Annual Review of Sociology. 1986. Vol. 12. Palo Alto, CA: Annual Review Co.
7. Greeting T. Sins of the Father: Does Scandalous News Undermine Social Trust? / T. Greeting, J. Linneman. Paper presented at the International Communication Association Conference. Montreal (Canada). 2008. May 23-26.
8. Hammond A. The Next 4 Billion: Market Size and Business Strategy and the Base of the Pyramid / A. Hammond. Washington (DC): World Resources Institute, 2007.

9. Held D. Global Covenant: The Social Democratic Alternative to the Washington Consensus / D. Held. Cambridge: Polity Press, 2004. Held D., Kaya A. Global Inequality: Patterns and Explanations, Cambridge: Polity Press, 2006.
10. Marx K. Grundrisse der Kritik der politichess Okonomie (Outlines of the Critique of Political Economy) / K. Marx. Berlin: Akademie Verlag. 1953. P. 176.
11. Monge P. Theories of Communication Networks / P. Monge, N. Contractor. Oxford: Oxford University Press, 2003.
12. Mulgan G. Communication and Control: Networks and the New Economies of Communication / G. Mulgan. Cambridge: Polity Press, 1991.
13. Norris P. A Virtuous Circle: Political Communications in Postindustrial Societies / P. Norris. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
14. Putnam R. D. Tuning in, Tuning out: the Strange Disappearance of Social Capital in America / R. D. Putnam // PS: Political Science and Politics. 1995. Vol. 28. No 4. Pp. 664-683.
15. Patterson M. Global Warming and Global Politics / M. Patterson. L: Routledge, 1996. Patterson T, Out of Order. N.Y.: A. Knopf, 1993.
16. Robinson R. V. Is Trust in Others Declining in America? An Age-Period-Cohort Analysis / R. V. Robinson, E. F. Jackson // Social Science Research. 2001. Vol. 30. No 1. Pp. 117-145.
17. Robinson M. J. American Political Legitimacy in an Era of Electronic Journalism: Reflections on the Evening News / M. J. Robinson; ed. by D. Cater, R. Adler // Television as a Social Force: New Approaches to TV Criticism. N.Y.: Praeger, 1975. Pp. 97-139.
18. Turner J. H. The structure of sociological theory / J. H. Turner. 5th ed. Belmont: 1991.

Gulnara F. ROMASHKINA¹

**TRENDS AND OPPORTUNITIES
FOR THE DEVELOPMENT
OF SOCIAL COMMUNICATIONS
AT THE RUSSIAN REGIONS LEVEL¹**

¹ Dr. Sci. (Soc.), Professor,
Head of the Department of Mathematical Methods,
Information Technologies and Management Systems in Economics,
Tyumen State University
g.f.romashkina@utmn.ru

Abstract

The modern world is often called a network (M. Castells), where communication plays a special role. The author of the article follows the understanding of social networks like space nodes and flows between them (J. Turner). Threads can be tangible, symbolic and emotional. It is important that the production, storage, sharing and structuring of these communications is largely determined by technology and digitization. An important feature of social networking is the competition between the nodes for the significance level. Given that the world is growing rapidly, is creating global networks of influence and power and excluding minor or weak nodes from the network, the regional society runs the risk of staggering behind in this competition. Backlog at the communicative level is equivalent to the structural marginalization. Therefore, an assessment of how fast, in what way, and under the influence of which factors the regional society is included in the global network of communication, allows us to estimate its competitive opportunities.

This article is an attempt to analyze the social development of communication processes, whereas social communication is understood as identifying and understanding the

¹ The work was carried out with the financial support of the Russian Humanitarian Scientific Foundation, project no 16-03-00500.

Citation: Romashkina G. F. 2017. "Trends and Opportunities for the Development of Social Communications at the Russian Regions Level". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 3, no 1, pp. 84-99.
DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-1-84-99

relationship networks. Social communications are known to quickly and easily enter the network, if the counterparty is perceived as a “friend” and the communication process is free of national, religious, territorial, mental or other barriers.

The empirical base of research was obtained in the process of 10-year socio-cultural monitoring by the sociologists of Tyumen State University, with the financial support of the Russian Humanitarian Foundation. The database includes the details of the “Social and cultural portraits of the Russian regions” project led by the Center for the Study of Social and Cultural Changes in the Institute of Philosophy. The article tests the hypothesis that the level of society’s preparedness to be included into the global communications network is directly related to the relationship “trust” — “communication” — “identification” on the scale of “friend” — “alien”. Direct citizen participation in Russia as a country with a developing democracy, reduces the level of institutional trust, but increases the level of network communications.

Keywords

Network society, development, layered intimacy, communication, streams, configuration, competition, trust, social structure, region.

DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-1-84-99

REFERENCES

1. Turner J. H. 1991. *The Structure of Sociological Theory*. 5th edition. Belmont.
2. Cook K. S., Whitmeyer J. M. 1986. “Two Approaches to Social Structure: Exchange Theory and Network Analysis”. *Annual Review of Sociology*, vol. 12. Palo Alto, CA: Annual Review Co.
3. Monge P., Contractor N. 2003. *Theories of Communication Networks*. Oxford: Oxford University Press.
4. Marx K. 1953. *Grundrisse der Kritik der politichess Okonomie [Outlines of the Critique of Political Economy]*, p. 176. Berlin: Akademie Verlag.
5. Castells M. 2009. *Communication Power*. Oxford University Press.
6. Norris P. 2000. *A Virtuous Circle: Political Communications in Postindustrial Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Mulgan G. 1991. *Communication and Control: Networks and the New Economies of Communication*. Cambridge: Polity Press.
8. Putnam R. D. 1995. “Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America”. *PS: Political Science and Politics*, vol. 28, no 4, pp. 664-683.
9. Brehm J., Rahn W. 1997. “Individual-level Evidence for the Causes and Consequences of Social Capital”. *American Journal of Political Science*, vol. 41, no 3, pp. 999-1023.
10. Robinson R. V., Jackson E. F. 2001. “Is Trust in Others Declining in America? An Age-Period-Cohort Analysis”. *Social Science Research*, vol. 30, no 1, pp. 117-145.
11. Patterson M. 1996. *Global Warming and Global Politics*. Routledge; Patterson T. 1993. *Out of Order*. N. Y.: A. Knopf.

12. Greeting T., Linneman J. 2008. "Sins of the Father: Does Scandalous News Undermine Social Trust?" Paper presented at the International Communication Association Conference (Montreal, Canada, May 23-26).
13. Robinson M. J. 1975. "American Political Legitimacy in an Era of Electronic Journalism: Reflections on the Evening News". In: Cater D., Adler R. (eds). 1975. *Television as a Social Force: New Approaches to TV Criticism*, pp. 97-139. N. Y.: Praeger.
14. Lapin N. I. 2016. *Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: Sotsioekonomicheskie i sotsiokul'turnye tendentsii i problemy* [Atlas of Modernization of Russia and Its Regions: Socioeconomic and Sociocultural Trends and Problems]. Moscow: Ves' Mir.
15. Romashkina G. F., Davydenko V. A. (eds). 2015. *Sotsiokul'turnaya dinamika — portret Tyumenskoy oblasti: koll. monografiya* [Sociocultural Dynamics — A Portrait of the Tyumen Region: Collective Monograph]. Tyumen: Tyumen State University Publishing House.
16. Held D. 2004. *Global Covenant: The Social Democratic Alternative to the Washington Consensus*. Cambridge: Polity Press; Held D., Kaya A. 2006. *Global Inequality: Patterns and Explanations*, Cambridge: Polity Press.
17. Hammond A. et al. 2007. *The Next 4 Billion: Market Size and Business Strategy and the Base of the Pyramid*. Washington (DC): World Resources Institute.
18. Kogay E. A. 2014. "Sotsial'nye praktiki grazhdanskogo uchastiya: kharakteristiki i otsenki" [Social Practices of Civic Participation: Characteristics and Assessments]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, no 2, pp. 62-66.